

Е. А. Анохина^а

ORCID: 0000-0002-1795-3356

✉ evgeniia.anokhina@arts-museum.ru

О. В. Томашевич^б

ORCID: 0000-0003-1462-6699

✉ olgatomas@mail.ru

^а Государственный музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина (Россия, Москва)

^б Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ В МОСКВЕ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ПО ПЕРЕПИСКЕ Б. А. ТУРАЕВА И Т. Н. БОРОЗДИНОЙ, 1917–1920 ГГ.)

Аннотация. Статья посвящена истории Музея изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете (ныне, соответственно, ГМИИ им. А. С. Пушкина и МГУ им. М. В. Ломоносова) в 1917–1920 гг. по данным переписки Б. А. Тураева и Т. Н. Бороздиной. Б. А. Тураев (1868–1920), основатель русской науки о Древнем Востоке, египтолог, профессор Санкт-Петербургского императорского университета, был хранителем Отдела классического Востока музея. Т. Н. Бороздина (1886–1959), его ученица и помощница, работала в музее со времени его открытия в 1912 г. В письмах Бороздиной к Тураеву, хранящихся в Отделе рукописей Государственного Эрмитажа, содержится много новой и важной информации о непростой судьбе музея и его сотрудников после Октябрьской революции 1917 г., в частности, по вопросам сохранности памятников в неотапливаемом здании музея, издательской и научной деятельности сотрудников, проведения экскурсий и музейных занятий по древнему Египту.

Ключевые слова: ГМИИ им. А. С. Пушкина, Отдел Древнего Востока ГМИИ, Московский университет, Октябрьская революция, Т. Н. Бороздина, Б. А. Тураев, письма, египтология, древнеегипетские памятники

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А. С. Пушкина и архивных источников)».

Авторы выражают искреннюю благодарность за помощь с работой в архивах Москвы П. Д. Скоробогатовой и Д. А. Изосимову.

Для цитирования: Анохина Е. А., Томашевич О. В. Музей изящных искусств в Москве после Октябрьской революции (по переписке Б. А. Тураева и Т. Н. Бороздиной, 1917–1920 гг.) // Шаги/Steps. Т. 7. № 4. 2021. С. 80–102. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-80-102>.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2020 г.

Принято к печати 13 января 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 7. No. 4. 2021

Articles

Е. А. Anokhina^a

ORCID: 0000-0002-1795-3356

✉ evgeniia.anokhina@arts-museum.ru

О. В. Tomashevich^{ab}

ORCID: 0000-0003-1462-6699

✉ olgotomas@mail.ru

^a *The Pushkin State Museum of Fine Arts (Russia, Moscow)*

^b *Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)*

THE MUSEUM OF FINE ARTS IN MOSCOW AFTER THE OCTOBER REVOLUTION IN THE CORRESPONDENCE OF B. A. TURAEV AND T. N. BOROZDINA (1917–1920)

Abstract. The article is dedicated to the history of the Museum of Fine Arts named after Emperor Alexander III at the Imperial Moscow University (now the Pushkin State Museum of Fine Arts and the Lomonosov Moscow State University) during 1917–1920 based on the correspondence of B. A. Turaev and T. N. Borozdina. B. A. Turaev (1868–1920), founder of Ancient Near Eastern Studies in Russia, Egyptologist, Professor at the St. Petersburg Imperial University, was curator of the Museum's Department of the Classical Orient. T. N. Borozdina (1886–1959) was his student and assistant. She worked at the Museum since its opening in 1912. The letters from T. N. Borozdina to B. A. Turaev preserved in the State Hermitage Archive contain a lot of new and important information about the Museum and its staff after the October Revolution of 1917. The letters touch upon issues of preserving the Museum collections in the unheated building, publishing and scientific activities, guided tours and lectures about Ancient Egypt. In her letters, T. N. Borozdina also paid much attention to the difficult living and working conditions in post-revolutionary Moscow. In addi-

tion to the correspondence, the authors of the article use a variety of documents from the Department of Manuscripts of the Pushkin Museum.

Keywords: Pushkin State Museum of Fine Arts, Department of the Ancient Orient of the Pushkin Museum, Lomonosov Moscow State University, October Revolution, T. N. Borozdina, B. A. Turaev, letters, Egyptology, Ancient Egyptian objects

Acknowledgements. The research presented in the article is sponsored by the Russian Science Foundation (project no 19-18-00369 “The Classical Orient: culture, world-view, tradition of research in Russia (based on the monuments in the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts and archival sources)”).

The authors would like to express their gratitude to P. D. Skorobogatova and D. A. Izosimov for their assistance in the work at Moscow archives.

To cite this article: Anokhina, E. A., & Tomashevich, O. V. (2021). The Museum of Fine Arts in Moscow after the October Revolution in the correspondence of B. A. Turaev and T. N. Borozdina (1917–1920). *Shagi / Steps*, 7(4), 80–102. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-80-102>.

Received October 21, 2020

Accepted January 13, 2021

Революционные события октября 1917 г. кардинально изменили жизнь страны. Затронули они и Музей изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете (ныне, соответственно, ГМИИ им. А. С. Пушкина и МГУ им. М. В. Ломоносова). Начнем с того, что музей, расположенный в центре города, совсем недалеко от Кремля, оказался на передовой: в ходе боев 26 октября — 3 ноября 1917 г. музейное здание было повреждено попаданием снарядов и многочисленных пуль [О повреждениях 1917. Л. 1–6 об; Гельман и др. 2003: 331–332; Александрова 2017: 8]. К преодолению общих для всей страны бедствий присоединилась необходимость заботы о физическом сохранении памятников в пострадавшем от боевых действий и неоттапливаемом музее¹.

О жизни Музея изящных искусств того времени известно очень мало — документы, хранящиеся в Отделе рукописей ГМИИ, немногочисленны и скупо сообщают о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться более чем скромному штату музейных сотрудников². Но недавно удалось обнаружить новый блок архивных материалов, дающий возможность лучше понять, как существовал музей в сложные постреволюционные годы. Это письма начинающего московского египтолога Тамары Николаевны Бороздиной (в замуже-

---

¹ Некоторые из используемых в статье архивных документов опубликованы в сборнике [Гельман и др. 2003: 322–427]. Ссылки на эти источники даются по сборнику без указания архивных документов.

² Об изменениях в жизни музея после революционных событий осени 1917 г. см.: [Александрова 2017]. О штате музея см. примеч. 13.

стве Бороздина-Козьмина, 1886–1959)³ к ее Учителю Борису Александровичу Тураеву (1868–1920)⁴. Б. А. Тураев, основатель русской науки о Древнем Востоке, профессор Санкт-Петербургского императорского университета, был создателем и хранителем Отдела классического Востока Музея изящных искусств. Т. Н. Бороздина, одна из последних и любимых учениц Тураева, работала в музее со времени его открытия в 1912 г.⁵, являясь практически единственной помощницей профессора.

Письма Т. Н. Бороздиной хранятся в личном фонде Б. А. Тураева в Отделе рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа [Письма 1910–1919]. Эти документы (73 листа) ранее никогда не публиковались и не привлекали внимание исследователей. Они охватывают период с августа 1912 г., когда Бороздина начала работать в музее, по декабрь 1919 г. Всего до нас дошло 24 письма (17.06.1916 — 1.12.1919)⁶; 16 открытых писем (2.08.1912 — 28.11.1918), одна телеграмма (21.09.1916). Не все послания Бороздиной к Тураеву сохранились: явно не хватает их за 1919 г.; отсутствуют письма за 1920 г.

Наиболее полно представлен эпистолярный 1917–1919 гг. (26 писем и открыток). Стоит подчеркнуть, что в начале XX в. почтовая переписка являлась самым используемым типом связи между образованными людьми, даже когда они находились в одном городе; домашние телефоны были редкостью. Тураев жил на Васильевском острове в Санкт-Петербурге / Петрограде и преподавал в университете (телефон у него дома, кстати, был). С 1912 г. он регулярно ездил в Москву для работы с Голенищевской коллекцией в Музее изящных искусств, а с 1913 г. — также для чтения лекций и проведения семинаров на Высших женских курсах (в помещении музея)⁷. Но после революционных событий 1917 г. поездки из Петрограда в Москву стали «затруднены до чрезвычайности и не всегда возможны», а получаемого в музее вознаграждения не хватало даже на железнодорожный билет [Скударь 2017: 82]⁸. Поэтому все важные новости музейной жизни сообщались в письмах, и именно поэтому от постреволюционного периода их сохранилось больше всего.

Об ответных письмах Тураева известно только по упоминанию в автографе статьи Бороздиной «Б. А. Тураев и его музейная работа» (1945 г.) [Демская и др. 1987: 300–310]. К сожалению, нет полной уверенности, сохранился ли архив Бороздиной⁹.

³ О Т. Н. Бороздиной-Козьминой см.: [Томашевич 2003а; Анохина, Томашевич 2021].

⁴ О Б. А. Тураеве см.: [Томашевич 2007].

⁵ О дате и обстоятельствах ее поступления на работу в музей см.: [Анохина, Томашевич 2021].

⁶ Одно недатированное письмо [Письма 1912–1919. Л. 37–38], возможно, является частью другого письма [Там же. Л. 35–36 (письмо от 31.05.1918)].

⁷ Подробнее о роли Тураева в покупке этой прекрасной коллекции древнеегипетских памятников для музея см.: [Томашевич 2007: 461–464]; о преподавании Б. А. Тураева на Высших женских курсах см.: [Анохина, Томашевич 2021].

⁸ Надо учесть, что семья Б. А. Тураева не была богата. Кроме того, сама покупка билета в те годы была непростым делом, поэтому Тураев вынужден был обращаться за помощью к друзьям и коллегам (см.: [Томашевич 2003б: 150; 2007: 469]).

⁹ По сообщению родственников Т. Н. Бороздиной-Козьминой, ее документы были переданы в один из подмосковных архивов, без дальнейших уточнений. Авторы статьи выражают благодарность О. В. Селивановой за предоставление этой информации.

В письмах Бороздиной, помимо личных тем (по переписке очевидно, что отношения Учителя и ученицы были теплыми и доверительными), затрагиваются разнообразные вопросы, связанные с Музеем изящных искусств, и прежде всего с Отделом Древнего (или Классического) Востока¹⁰. Речь идет о проблемах сохранности памятников, их реставрации, об издательской деятельности по публикации коллекций, об экскурсиях, музейных занятиях по Древнему Египту. Меньше информации об общем музейных делах — о выработке нового устава музея в апреле — мае 1917 г., об утверждении новых ставок музея, о заседаниях профсоюза. Отдельный блок писем связан с попытками основателя и руководителя Музея-института классического Востока В. М. Викентьева переместить древнеегипетское собрание Музея изящных искусств в Исторический музей [Томашевич 2003b: 157–158]¹¹.

Необходимо подчеркнуть: Отдел Древнего Востока имел особое значение для Музея изящных искусств (в одном из документов тех лет говорится об «особой важности отдела») именно потому, что в нем хранилась превосходная древневосточная коллекция подлинных памятников первого русского египтолога В. С. Голенищева, приобретенная государством в 1909 г. для тогда еще строившегося Музея изящных искусств¹². Ведь в основном университетский музей предполагалось наполнить слепками, хотя и высокого качества (они заказывались с подлинных памятников в великих музеях Европы). Этим объясняется и та важная роль, которую играли сотрудники Отдела Древнего Востока¹³ в научной, издательской и просветительской жизни музея. Обнаруженные письма показывают, что Т. Н. Бороздина очень неравнодушно относилась ко всему происходящему, участвуя во всех событиях музейной жизни.

В письмах Т. Н. Бороздиной упоминается много известных лиц, имеющих отношение к музею: Ф. В. Баллод, В. М. Викентьев, Б. Р. Вишпер, В. С. Голенищев, А. В. Живаго, Р. И. Клейн, М. К. Любавский, В. К. Мальмберг, П. П. Муратов, А. В. Назаревский, А. И. Некрасов, Н. И. Романов, А. А. Сидоров, В. Д. Сухов, В. К. Шилейко и др.

В настоящей статье нам хотелось бы представить новую информацию о жизни Музея изящных искусств в непростое время, последовавшее за Октябрьской революцией, извлеченную из писем Т. Н. Бороздиной к Б. А. Тураеву и дополненную документами Отдела рукописей ГМИИ им. А. С. Пушкина и другими источниками.

¹⁰ Даже в официальных документах нет единообразия в наименовании отдела.

¹¹ Письма Т. Н. Бороздиной к Б. А. Тураеву демонстрируют роль В. М. Викентьева в этом «проекте» еще более неприглядно, что предполагается показать в специальной статье.

¹² Об этом см.: [Демская и др. 1987]. Подчеркнем, что для размещения древнеегипетской коллекции оформляется зал в древнеегипетском стиле (росписи потолка, выполненные художником И. И. Нивинским, являются свободной вариацией на тему декоративного оформления храмов и гробниц долины Нила).

¹³ В первые годы существования музея его штат был удивительно крохотным — около десяти человек! Сотрудником Отдела Древнего Востока был один Б. А. Тураев, занимавший должность хранителя. Только в 1917 г. Т. Н. Бороздина становится согласно документам ассистентом/помощником хранителя Отдела Древнего Востока; до этого она занимала должность руководительницы экскурсионных групп и также являлась сотрудницей библиотеки [Томашевич 2003a: 125–129].

* * *

Как уже говорилось выше, снаряды и пули октябрьских боев 1917 г. нанесли урон многим залам музея: один из снарядов упал над Древнехристианским залом, другой — над залом Олимпии; в Египетском зале пулями было пробито шесть зеркальных стекол. Всего в музее было разбито около 375 стекол (напомним, что крыша музея стеклянная, дабы смотреть скульптуру при естественном освещении в дневное время, и вначале в нем даже не предполагалось электрического освещения). Хозяйственный комитет Музея изобразительных искусств постановил закрыть музей до исправления всех повреждений и направил ходатайство в правление Московского университета с просьбой выделить 5000 руб. для ремонта здания. Но из-за тяжелого экономического положения университет отказал в этой и даже меньшей сумме. Дело было, конечно, не только в отсутствии средств. С начала 1917 г. в университете бушевали политические страсти, парализовавшие его нормальную работу: студенческая милиция заняла аудитории, проводила в них митинги и реквизировала университетское имущество, с фронтона Главного корпуса на Моховой уже весной был сбит эпитет «Императорский»¹⁴. С установлением советской власти находящийся уже в плачевном состоянии университет раскололся на два воюющих лагеря, которым было не до музея: началась реорганизация старейшего русского высшего учебного заведения. С осени 1918 г. университет отапливался столь скверно, что отменялись многие занятия: средняя температура в аудиториях была 8–10 градусов, а цены на топливо и стройматериалы для ремонта выросли неимоверно [Андреев, Цыганков 2010: 608–612]¹⁵.

Отсутствие денег на ремонт, а также нехватка дров для отопления огромного здания музея в зимний сезон 1917–1918 гг. вынудили дирекцию закрыть его для публики вплоть до лета 1918 г. [О повреждениях 1917. Л. 6]. Особой заботой сотрудников музея было сохранение в таких неблагоприятных условиях ценной коллекции древнеегипетских подлинников. На заседании соединенного хозяйственного комитета и ученого совета музея 18 ноября 1917 г. рассматривалось «заявление проф[ессора] Б. А. Тураева о предохранении египетских подлинников от порчи вследствие холода, если музей не будет отапливаться, о желательности перевезти коллекцию в другое, хотя бы частное, помещение и, наконец, о том, чтобы наиболее ценные вещи коллекции, если последние останутся в здании музея, были помещены в скрытом месте на случай погрома» [Книга протоколов 1911–1923. Л. 57 об.]. Безусловно, это было не вполне продуманное решение, обусловленное бурными событиями в стране и крайним беспокойством Тураева о памятниках. Было постановлено «в виду небезопас-

¹⁴ Примечательно, что ректором в судьбоносные 1911–1917 гг. был историк М. К. Любавский (ученик Н. А. Попова и В. О. Ключевского). Он отрицательно относился к антиправительственным выступлениям студентов, ибо это отвлекало их от учебы; Февральскую революцию Любавский считал закономерной, но Октябрьскую сначала не принимал. С 1920 г. изменил враждебное отношение к ней на лояльное, так как не хотел покидать родину, несмотря на приглашения из-за границы [Андреев, Цыганков 2010: 404–405].

¹⁵ См. также романы Михаила Осоргина «Сивцев Вражек» (кстати, именно там, близко от музея, в доме 9, жила Т. Н. Бороздина, и известно, что у нее иногда останавливался Б. А. Тураев; см. примеч. 27) и Андрея Белого «Москва» (с ним, кстати, был знаком В. М. Викентьев [Томашевич 2003b: 145–146]).

ности и неуверенности в обеспеченности топливом и других Музейных учреждений, в виду опасности самой перевозки и юридической и фактической невозможности перевести указанные вещи в частные помещения, коллекцию никуда не перевозить. Что же касается переноса в более надежное место в самом Музее наиболее ценных вещей, то просить проф. Б. А. Тураева, если он найдет подходящее место, принять к тому меры» [Там же].

Не только музейные сотрудники-египтологи были озабочены сохранением древнеегипетских памятников. 3 декабря состоялось заседание Объединенного комитета по охране собраний и памятников старины и искусства, на котором было заслушано заявление действительных членов Академии художеств И. Э. Грабаря и А. В. Щусева о крайней опасности для «драгоценной египетской коллекции Музея, нуждающейся в особо тщательно отапливаемом и вентилируемом помещении», вследствие того, «что уже месяц, как Музей не только перестал отапливаться, но и не застеклены пробоины в крыше Музея, полученные во время недавней гражданской войны и бомбардировок города» [Гельман и др. 2003: 333]. До возобновления отопления музея и застекления крыши Объединенный комитет предлагал «спешное перемещение» коллекции в отапливаемые жилые помещения музея (в то время некоторые сотрудники жили прямо в здании), но «считаясь с возможностью, что отапливаемых жилых помещений может в Музее не хватить, Объединенный Комитет вошел в переговоры с членом своим, директором Исторического Музея, князем Н. С. Щербатовым, на предмет помещения в свободные залы Исторического Музея, на что и получил от князя Н. С. Щербатова полное согласие» [Там же: 334]. Забегая вперед, отметим, что попытки переместить египетскую коллекцию повторялись не единожды. Начиная с 1918 г. под видом заботы о сохранении памятников этим активно занимается В. М. Викентьев, желая укрепить свое положение директора Музея-института классического Востока (несмотря на громкое название, эту организацию можно охарактеризовать как почти виртуальную [Томашевич 2003b: 157–158]). Не исключено, что заявление Грабаря и Щусева было инспирировано Викентьевым, обладавшим определенными важными знакомствами, ведь он работал как раз в Историческом музее. В письмах Т. Н. Бороздиной к Б. А. Тураеву эта история передана очень эмоционально¹⁶. Кроме того, в 1923 г. Петроградское отделение Главнауки выступило с ходатайством о «внедрении» в Эрмитажный музей египетской коллекции В. С. Голенищева [Гельман и др. 2003: 361–363.]. Хорошо, что эти попытки остались лишь попытками: перемещение памятников всегда сопряжено с рисками утрат.

Вернемся к событиям 1917 г.: 5 декабря заявление Объединенного комитета по охране собраний и памятников старины и искусства обсуждалось на заседании сотрудников музея [Журнал заседания 1917. Л. 1]. Архитектор музея Р. И. Клейн высказался за невозможность перевозки подлинников в Исторический музей. Одним из его аргументов служило то, что дерево этих памятников уже успело сократиться от перемены температуры.

---

¹⁶ См. примеч. 11. Заметим, что именно В. М. Викентьева назначат в 1924 г. заведующим Отделом Востока музея, явно ущемив права Т. Н. Бороздиной, сотрудницы музея с 1912 г. [Томашевич 2003b: 161–162].

Общее собрание служащих Музея Изобразительных искусств имени Александра III признало желательным в случае невозможности изыскать лучшего способа хранения текущей зимой музейских подлинников, могущих пострадать от условий *t* (температуры. — *Е. А., О. Т.*), выбрать комиссию для изыскания отопливаемых помещений в здании музея и поручить Комиссии в кратчайший срок довести до сведения общего собрания о принятых мерах [Журнал заседания 1917. Л. 2].

В факультетскую комиссию по вопросу о сохранении подлинников музея вошли Б. А. Тураев, Р. И. Клейн, профессора Московского университета — историк-медиевист Д. Н. Егоров [Андреев, Цыганков 2010: 232–233], геофизик Э. Е. Лейст [Там же: 381–383], химик А. М. Настюков [Там же: 491]. Комиссия собиралась несколько раз и постановила перенести памятники в предназначенную для хранения «камеру» [О мерах сохранения 1917. Л. 1; Книга протоколов 1912–1924. Л. 12 об.] («камера» или «бездействующая отопительная камера» — это обогреваемое помещение при жилой части музея [Отчет 1917. Л. 2; Книга протоколов 1912–1924. Л. 37 об.; Переписка 1922. Л. 8 об.]).

О перенесении древнеегипетских памятников Т. Н. Бороздина пишет в письме от 23 декабря 1917 г.:

Только вчера было последнее заседание комиссии в Музее, я присутствовала на всех. Памятники постановили перенести, что и было сделано 19, 20 и 21. Я с 10 ч[асов] утра была в Музее и в камере и всю упаковку и переноску провели сами с двумя сторожами. Мы переносили все 30 предметов, 29 из Египет[ского] зала и 1 (Римское знамя) из Светлого запасника¹⁷. Из египетск[их] памятников 23 фаюмск[их] портрета, 4 росписн[ых] ткани (3 куса висящ[их] под погреб[альной] пеленой и один на щите с рельеф[ами] Нов[ого] царства) затем чехол от мумии (так как он тоже из холста и с росписью)¹⁸ и наконец ткань пропитан[ная] смолой с надписью греко-римск[ого] времени. Каждый предмет тщательно завернут в бумагу и завязан. Что касается погреб[альных] пелен, то я измерила их и входн[ую] дверь в камеру, оказалось, что с большими трудностями можно их пронести, поставив на правую сторону камеры, т. к. другой поворот сделать невозможно. В виду опасности для памятников при перенесении (там, где густо положены краски, они могли при сотрясении и поворотах отвалиться) я не взяла на свою ответств[енность] переноску этих предметов до засед[ания] ком[иссии] 23, где об этом и было доложено. Старая калоша [В. К. Мальмберг¹⁹], как всегда, старался от всего уклониться, и не быть ни за что ответствен. Переноска

¹⁷ Современный зал № 4 первого этажа Главного здания ГМИИ им. А. С. Пушкина.

¹⁸ Известно, что в 1922 г. были перенесены «саркофаг с мумией Ташет (птолемеевской эпохи)», «другой саркофаг эпохи персидских войн» и «картонажный расписной гроб с погребением жреца» [Гельман и др. 2003: 359–360].

¹⁹ Безусловно, такое определение уважаемого профессора и директора музея, которому в декабре 1917 г. только исполнилось 57 лет, свидетельствует о теплых и доверительных отношениях Тураева и Бороздиной, а также фиксирует высокую степень ее усталости и раздражения (кстати, у Мальмберга она тоже училась на Высших женских курсах — истории искусства).

нашего отдела прошла прекрасно, памятники я поставила в очень удобное место (обо всем этом я доложила вчера ком[иссии]. Они посмотрели в камере и выразили полное одобрение). Что же касается погреб[альных] пелен (4х), то присоедин[ились] к тому, что переноска может быть для них опасна, а маленькую (5) можно попробовать перенести [Письма 1912–1919. Л. 32–33 об.].

В этом письме Бороздина упоминает наиболее хрупкие и ценные памятники, сохранность которых могла сильно пострадать в неотопливаемых залах музея²⁰. Среди прочего она называет такие шедевры египетского собрания, как фаюмские портреты и погребальные пелены греко-римского периода²¹.

Памятники из «камеры» в залы были возвращены в конце мая 1918 г. — перед открытием музея для публики 1 июня (по ст. стилю) [Книга протоколов 1912–1924. Л. 13; Протокол заседаний 1918. Л. 1]. Об этом говорится в письме Т. Н. Бороздиной от 31 мая 1918 г.: «В открытии Египетск[ого] Отдела²² хочу выдворить на место, согласно и Вашему желанию, фаюмск[ие] портреты и др[угие] предметы» [Письма 1912–1919. Л. 36]. На протяжении всех неотопливаемых зим наиболее ценные памятники Египетского и Христианского отделов переносили в специальную «камеру» или другие помещения, а в теплое время года возвращали обратно [Книга протоколов 1912–1924. Л. 15, 29, 37 об.; Письма 1912–1919. Л. 57 об.; Гельман и др. 2003: 358, 359–360]²³. Продолжалось это до тех пор, пока летом 1923 г. в музее не начался капитальный ремонт, заверченный в 1924 г.

О музейной работе в таких тяжелых бытовых условиях Т. Н. Бороздина пишет Б. А. Тураеву в декабре 1918 г.:

У нас жизнь становится с каждым днем все ужаснее, никакого про света. Доставать продовольствие — мука. Музей открыт три дня в неделю, мой дежурный день в четверг. <...> У нас в Музее страшный холод. 2–3 градуса, не только руки, но и мысли стыннут [Письма 1912–1919. Л. 58 об., 59 об.].

Схожие вести от 18 января 1919 г.:

Что Вам сказать о московской жизни, она очень и очень не сладка, сейчас мы прямо умираем от холода, не дождемся тепла. Жизнь вообще идет вяло. В Музее систематически замерзаем (2–4 холода). Публики мало, но экскурсии бывают [Там же. Л. 64 об.–65].

В следующую зиму 1919/1920 гг. ситуация не изменилась:

В Музее холод, сырость, открыт теперь с 11–2 (т. е. с 11 до 14 часов. — *Е. А., О. Т.*). Пока закрывать Музей не собираются, а как у Вас? Жизнь научная еле теплится, все помыслы людей о куске хлеба и о минимальном количестве тепла [Там же. Л. 72 об. (письмо от 1.12.1919)].

²⁰ Не все памятники удастся точно идентифицировать.

²¹ О них см.: [Васильева 2020].

²² Имеется в виду Египетский зал.

²³ Список переносимых памятников менялся.

Какие-то продукты удавалось получить через музейный профсоюз, правда, и здесь были сложности. В сентябре 1918 г. Т. Н. Бороздина пишет:

В Музее, как всегда, хаос; должны были послать за мукой от нашего профес[сионального] союза, но <...> пропустил срок, что для всех нас крайне неприятно [Там же. Л. 41 об.].

Вообще Бороздина скептически отзывается о работе музейного профсоюза:

Был ряд собраний профессионального союза, решали без конца вопросы, связанные с выработыванием инструкций; так все это надоело, и главное никакого толку, по-моему как можно скорее надо начинать свою работу и выполнять свои обязанности [Там же. Л. 35–35 об. (письмо от 31.05.1918)].

Ежедневно происходят собрания профес[сионального] союза, по правде сказать, все это ужасно надоело, да и в общем мало толку [Там же. Л. 61 об. (письмо от 14.06.1918)].

К сожалению, ответные письма Тураева пока не найдены, но известно, что и в Петербурге жизнь была ничуть не легче, а возможно, еще хуже, о чем свидетельствуют строки из письма от 9/22 дек. 1918 г. профессора Санкт-Петербургского университета филолога Д. К. Петрова к профессору Московского университета, декану историко-филологического факультета А. А. Грушке:

Голод и холод — спутники наших дней. Петербург являет собой вид Nekropolis'a: на улицах пустота и темнота, лавки закрыты, двери заколочены. Мостовые поросли «травой забвения» <...> Нет ни масла, ни картофеля, хлеб — лакомство. Умирает народу тоже немало. Из наших преподавателей и пр[иват]-доц[ентов] и[сторико]-ф[илологического] ф-та с осени умерло пять человек. Отошло в вечность пять академиков, один из них (Ляпунов) застрелился [Скударь 2017: 111].

Из Америки М. И. Ростовцев²⁴ сообщал Н. П. Кондакову²⁵ в Болгарию:

Из России мне пишут иногда мои ученики, которые теперь сидят все в Эрмитаже. Работают, в работе стараются забыть действительность,

---

²⁴ М. И. Ростовцев (1870–1952), знаменитый историк античности, академик с 1917 г., коллега Б. А. Тураева по Санкт-Петербургскому университету, эмигрировал летом 1918 г. в Англию, с 1920 г. работал в США. Наряду с Тураевым сыграл важную роль в покупке коллекции В. С. Голенищева для музея, а позднее писал о необходимости снаряжения русской экспедиции в Египет [Бонгард-Левин 1997; Бонгард-Левин, Литвиненко 2003; Томашевич 2007: 460, 462].

²⁵ Н. П. Кондаков (1844–1925), крупный историк византийского и древнерусского искусства, археолог, академик с 1898 г., в 1920 г. эмигрировал в Константинополь, а затем уехал в Софию. В возглавляемый им в конце XIX в. кружок «фактопоклонников» в Санкт-Петербургском университете входили студенты, обеспечившие впоследствии подъем отечественной науки: Д. В. Айналов (чл.-корр., 1914), С. А. Жебелев (акад., 1927), Е. К. Редин, М. И. Ростовцев (акад., 1917), Я. И. Смирнов (акад., 1917), Б. А. Тураев, Г. Ф. Церетели (чл.-корр., 1917), А. Н. Щукарев; позднее к кружку присоединился Б. В. Фармаковский (чл.-корр., 1914) [Кондаков 2001].

дурманят себя. <...> Живы до первой болезни, которая косит всех, не разбирая [Томашевич 2007: 477].

Действительно, смерть не разбирала: кроме многих коллег Тураева по Санкт-Петербургскому университету [Там же: 474], в 1919–1920 гг. один за другим уходят из жизни еще молодые его ученики: И. М. Волков, А. Л. Коцейовский, М. А. Вильев, В. В. Ершов, чуть позднее, в 1922 г., Ф. Ф. Гесс.

Но были вещи пострашнее голода и холода: советская власть укрепляла свои позиции, и начались аресты. Беда пришла и в дом Б. А. Тураева: 23 ноября 1919 г. был первый раз арестован брат его супруги, эллинист, профессор Санкт-Петербургского университета Г. Ф. Церетели (он погиб после третьего ареста, в 1938 г.) [Томашевич 2007: 474–475]. В декабре 1918 г., вероятно в связи с арестом его отца, священника, в тюрьму попал любимый ученик Тураева, И. М. Волков, чем, возможно, объясняется его скорая кончина в 1919 г. В московском музее происходило тоже самое. Бороздина сообщает Тураеву 17 сентября 1918 г.: «На днях арестовали С. В. Шервинского²⁶ <...>, но в тот же день выпустили» [Письма 1912–1919. Л. 42–42 об.]. В ночь с 4 на 5 декабря 1918 г. был арестован Б. В. Иваненко, смотритель здания музея, одновременно исполняющий обязанности старшего чиновника при канцелярии. Сразу после его ареста директор музея В. К. Мальмберг хлопотал перед деканом историко-филологического факультета Московского университета об ускорении рассмотрения дела Б. В. Иваненко и о возвращении его к служебным обязанностям, так как «присутствие его теперь, в конце года, когда составляются музейские отчеты, особенно и постоянно необходимо» [Дело 1917–1918. Л. 68–68 об.].

Жизнь становилась все тревожнее, и письма Бороздиной проникнуты искренней заботой о Тураеве. С весны 1918 г. в них появляются постоянные просьбы беречь здоровье, не утомляться, отдыхать [Письма 1912–1919. Л. 35, 38, 41 об., 60 об., 62, 70–70 об.], а также выражается беспокойство о нем из-за событий Гражданской войны. Весной 1918 г. она пишет:

Как Вы теперь себя чувствуете, как Ваше здоровье? Неужели опять все утомляетесь? С ужасом читаем извест[ия] о Петроградск[ом] голоде, волнуясь за Вас! Получили ли Вы мое письмо, где я Вас очень зову приехать к нам, если в Петрограде правда такой ужас. У нас плохо, но то, что рассказал один очевидец, превышает все. Это меня так поразило, что я немедленно Вам написала [Там же. Л. 37–37 об.].

Бороздина делала все возможное, чтобы облегчить жизнь своего Учителя. В феврале 1919 г. она пишет:

Вы меня прямо удивили своим предположением, что меня когда-нибудь могли тяготить Ваши просьбы. Я всегда с удовольствием их исполняю и так рада, когда чем-нибудь могу быть Вам полезна <...> Пожалуйста, если что-нибудь Вам будет нужно, Борис Александрович,

---

²⁶ С. В. Шервинский (1892–1991), ученый секретарь музея в конце 1918 г.; поэт, переводчик, писатель, искусствовед.

сейчас же мне напишите, ведь Вы знаете, как я Вас люблю и уважаю [Письма 1912–1919. Л. 69].

В 1918 г. Бороздина доставала для Тураева продукты: «Сушеного (?) картофеля купили Вам 5 фунтов. За сахаром пока еще не посылала» [Там же. Л. 41]. В начале 1919 г. она хлопотала о выплате зарплаты Тураеву на Московских Высших женских курсах:

С величайшим трудом я выцарапала деньги с Курсов (как Вы могли думать, что я об этом забыла), я ездила, объяснялась и наконец третьего дня мне удалось получить деньги до января, вчера Борис²⁷ Вам отправил 1777 руб. 63 коп. Теперь пожалуйста, вышлите мне поскорее довер[енность] на январь, на февраль и две на март²⁸. Я Вам еще кажется получу по 400 руб. в месяц, затем прилагаю Вам записку, данную мне в Канцелярии Высш[их] Курс[ов]. Вам нужно получить за испыт[ательную] ком[иссию] — напишите тоже доверен[ность] на мое имя — надо две (на 60 р. и на 50) [Там же. Л. 69–69 об.].

Тамара Николаевна беспокоилась также о выплате денег в музее:

В виду все еще продолж[ающегося] ареста Б. В. [Иваненко]²⁹, мне никак не могут выдать Ваши деньги, несколько раз говорила по этому поводу с Шервинским³⁰! [Там же. Л. 65 об. (письмо от 18.01.1919)].

В Музее и хлопотала и хлопочу также Вам получить. Оказывается, надо Вам представить счет и тогда выдадут по ассигновкам — я сама справлялась у казначея Университета, и он мне это сказал сам. Напишите счета (побольше) и доверен[ность] на мое имя, я Вам все постараюсь сделать [Там же. Л. 69 об.–70 (письмо от 9.02.1919)].

В январе 1919 г. она с радостью сообщает о повышении музейной ставки Тураева:

С нашими новыми ставками что-то совсем не клеится, они удельно мизерны. Зато я очень, очень рада, что Вас поставили как заведующ[его] Восточн[ым] Отделом и Вы, если не ошибаюсь, (со слов В. К. [Мальмберга]) будете получать 1300 р. в месяц, а разницу получите с октября [Там же. Л. 63–63 об.].

---

²⁷ Супруг Т. Н. Бороздиной, Борис Павлович Козьмин (1883–1958) — в дальнейшем доктор исторических наук, литературовед, член Союза писателей СССР, в 1946–1954 гг. директор Литературного музея; в 1946–1958 гг. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР. О нем см.: [Твардовская 2003].

²⁸ В архиве 2-го Московского государственного университета сохранилась доверенность Б. А. Тураева на имя Т. Н. Бороздиной-Козьминой от 9.04.1919 [Из бухгалтерии 1919. Л. 300]. В Отделе рукописей ГМИИ хранится пустой конверт на имя Б. А. Тураева от канцелярии Московских Высших женских курсов за 18.09.1917, на котором указан адрес Т. Н. Бороздиной — Сивцев Вражек, д. 9, кв. 1 [Отчеты, расписки 1911–1949. Л. 49].

²⁹ Об аресте Б. В. Иваненко см. выше.

³⁰ См. примеч. 26.

По всей видимости, деньги эти Тураев так и не получил. В письме от мая 1919 г. к декану историко-филологического факультета Московского университета А. А. Грушке по поводу назначения Т. Н. Бороздиной заведующей Египетским отделом он пишет:

Могу сказать только, что по Музею я не получаю жалования уже около года — не только за зимние месяцы, в течение которых я ездить совершенно не был в состоянии, а потому за которые и не могу ничего получить, но и за многие и осенние месяцы я не получил даже своих по постоянным ставкам смешных 150 р. в мес[яц], которых не хватило бы на железнодорожный билет [Скударь 2017: 83].

Со средствами у Тураева действительно было довольно туго: особых сбережений его семья не имела. Как ученый он попадал в 4-ю категорию лиц, снабжаемых пайком по остаточному принципу и в последнюю очередь (порой это было даже меньше, чем во время блокады Ленинграда). В какой-то момент лишили и этого. Неслучайно на Западе писали о смерти Тураева от голода — увы, в этом больше правды, чем политической пропаганды [Томашевич 2007: 476–477].

Но, «несмотря на крайне неблагоприятные условия для общей нормально-функционирующей жизни музея» [Александрова 2017: 8], научные, просветительские, реставрационные и иные работы не прекращались в нем и после 1917 г.

Б. А. Тураев немало сделал для пополнения древнеегипетского собрания Музея после 1912 г. Он ходатайствовал об уступке Музею египетских памятников из Румянцевского музея [Книга протоколов 1912–1924. Л. 4, 6, 8, 27 об.]³¹, в том числе о передаче на хранение находящегося там египетского собрания И. К. Суручана [Там же. Л. 8 (март 1913 г.)]. При Тураеве были приобретены или подарены музею такие известные памятники, как саккарский рельеф с изображением плакальщиков (куплено у Л. С. Гинзбурга) или голова статуи мужчины эпохи Нового царства (дар в 1917 г. Б. В. Фармаковского, хорошего знакомого Тураева еще со студенческих времен [Томашевич 2007: 385, 416]); покупались древности и за границей³². Из-за начавшейся Первой мировой войны подобные закупки прекратились. В отчете музея за 1914 г. сохранилось следующее сообщение:

...из раскопок Griffith'a в Нубии приобретены покупкой образцы напатской и мероитской керамики и других предметов нубийского происхождения. Эта коллекция еще не прибыла в Музей вследствие

³¹ Ходатайство относится к началу 1913 г.; в 1919 г. оно было повторено. Древнеегипетская коллекция Румянцевского музея поступит в Музей изящных искусств частично в 1924 г. в составе собрания Музея-института классического Востока и частично в 1927 г.

³² Удавалось приобретать памятники в самом Египте [Отчет 1913–1914. Л. 3] или в Европе. Например, в 1913 г. в Лондоне на распродаже коллекции Роберта де Рустафелля были куплены три редких памятника — глиняный гробик с додинастической мумией ребенка (правда, гробик оказался подделкой, что удалось доказать с помощью современных анализов в наше время, но мумия — уникальный памятник, подобных которому нет в отечественных музеях [Анохина и др. 2020]); необычный по оформлению глиняный жертвенник «дом души»; ткань с изображением богини Хатхор из Дейр-эль-Бахри.

начала военного действия и находится в Оксфорде, где она уже упакована в ящики для отправки в Москву при первой возможности [Отчет 1914. Л. 3].

О дальнейшей судьбе этой коллекции ничего не известно.

После революции 1917 г. Б. А. Тураев по мере возможностей следил за появлением египетских памятников в Музейном отделе Национального фонда с целью их приобретения для Музея изящных искусств [Книга протоколов 1912–1924. Л. 34 (июнь 1920 г.)]. Т. Н. Бороздина вспоминала:

У меня сохранился ряд писем, в которых Б. А. с глубокой радостью сообщал о новых своих приобретениях как для себя, так и для музея; говоря об этом, он отвлекался от всего тяжелого, что приходилось ему переживать. Были приобретены памятники и это искупало все невзгоды [Томашевич 2007: 471].

Здание музея, неотапливаемое в холодные месяцы до 1923 г., тем не менее никогда полностью не закрывалось для публики (исключение — зима 1917/1918 гг.)³³. На заседании Ученого совета Музея изящных искусств от 18 ноября 1918 г. было постановлено открывать музей для посетителей и групповых осмотров по вторникам, четвергам и воскресеньям с 12 до 3 часов дня [Книга протоколов 1912–1924. Л. 14 об.]. На следующий год, в декабре 1919-го, в правление университета было подано ходатайство о закрытии музея на зимний сезон с 15 декабря в связи с постановлением историко-филологического факультета о прекращении чтения лекций главным образом ввиду невыносимого холода неотапливаемого помещения музея. Но «идя навстречу руководителям экскурсий и потребностям широких масс, он (факультет. — Е. А., О. Т.) просит утвердить постановление, чтобы Музей был открыт с вышесказанной целью по воскресеньям и в один из дней недели, принимая во внимание и потребности библиотечного дела» [О работе 1919. Л. 1] (см. также: [Книга протоколов 1912–1924. Л. 29]).

Одним из немногих, а иногда и единственным открытым залом был именно Египетский, больше всего привлекавший внимание посетителей³⁴. В декабре 1912 г., спустя полгода после открытия музея, Б. А. Тураев писал В. С. Голенищеву:

Ни одна из громких египетских коллекций в мире не вызывает такого, не скажу интереса, а иступленного энтузиазма, как Ваша. По-

---

³³ В отчете музея за период с 16 ноября 1923 г. по 1 октября 1924 г. сказано, что в отчетном году была отремонтирована система центрального отопления, в том числе calorifer под Египетским залом [Отчет 1923–1924. Л. 6].

³⁴ Возможно, это объясняется не только безусловной ценностью и уникальностью коллекции подлинных памятников долины Нила, но и отчасти практическими соображениями, а именно расположением зала сразу у центрального входа в музей. Сейчас эта дверь в Египетский зал прямо из первого вестибюля закрыта, и современные посетители входят в него через вторую дверь, служившую прежде для выхода в зал Передней Азии. Кроме того, большинство залов было закрыто из-за повреждений во время Октябрьской революции.

сетители в музей валят тысячами; путеводители раскупаются нарасхват — в два месяца продано 12 тыс. экземпляров. Ваше имя у всех на устах: египетский зал музея называют храмом, в который надо входить с трепетом и которому не место в общем здании музея [Демская и др. 1987: 135].

Интерес к Египетскому залу сохранялся и в последующие годы, а Голенищевская коллекция оставалась центральной в музейной экспозиции тех лет³⁵. В апреле революционного 1917 года Бороздина пишет Тураеву:

Сегодня открывали Египет для публики — билетная система рухнула, т. к. образовали огромный хвост и во избежание всяких недоразумен[ий] открыли дверь, пустили публику без билетов и психологически оказались правыми, т. к. сначала было много народа, а затем быстро очередь растаяла. Я все время присутствовала в зале, недораз[умений] никак[их] не было [Письма 1912–1919. Л. 23 об.].

Спустя год, в июне 1918-го, Бороздина сообщает Тураеву, что «Египетский отдел³⁶ открыт для публики по четвергам и воскресеньям, как всегда он больше всего привлекает внимание публики. С группами обращаются ко мне часто, помимо специальных» [Там же. Л. 61]. Несмотря на «невозможный холод», посетители приходили и в зимние месяцы. В начале 1919 г. Бороздина пишет Тураеву, что «в Музее систематически замерзаем (2–4 холода)», и тут же добавляет, что «публики мало, но экскурсии бывают. Недавно ко мне обратились из Отдела Высшего образов[ания] при Губ[ернском] Совете раб[очих] и пр. и т.д. и т.д. организовать ряд популярных лекций в Музее (платных)» [Там же. Л. 64 об.–65]. В 1920 г. число посетителей значительно возросло, даже «несмотря на ледяную температуру в период зимних месяцев» [Отчет 1920. Л. 4 об.].

Согласно отчетам музея, в 1918 г. всего было проведено 234 экскурсии [Отчет 1918–1919. Л. 5]. В 1919 г. в Египетском зале были проведены экскурсии для 25 групп с руководителями от музея и для семи групп со своими руководителями [Там же. Л. 5]. В 1920 г. в музее было проведено всего 532 экскурсии, в том числе для 123 групп с собственными руководителями по Отделу Древнего Востока³⁷ [Отчет 1920. Л. 4 об.].

Были и курьезные случаи в духе новой политической реальности. В мае 1917 г. Бороздина сообщает Тураеву:

---

³⁵ Только после 1948 г. картины импрессионистов из коллекций И. А. Морозова и С. И. Щукина начали составлять конкуренцию древнеегипетской коллекции В. С. Голенищева.

³⁶ Имеется в виду Египетский зал.

³⁷ Руководители подобных групп не всегда вели себя в музее корректно. В Отделе рукописей ГМИИ сохранились сведения об одном таком случае, произошедшем в 1923 г.: преподаватель и руководитель группы Детского Городка 3-го Интернационала некто Смирнов «открыл крышку доисторического погребения и, закрывая, отломил кусок ее, зная, что прикасаться к памятникам не разрешено» [Книга протоколов 1912–1924. Л. 82 об.].

Затем во вторник и в среду у меня было более чем удивительное посещение — два представит[еля] исполнит[ельного] комитета, кот[орые] делегиров[аны] на Съезд продовольствия³⁸. Они оказываются сначала были более чем требовательны, напугали музей — и Щербак[ов] решил на мне выехать, упробил меня их ошеломить премудростью Египта, что я еле сдерживая себя с злорадством и исполнила. Результат блестящий они сделались шелковыми, страшно меня благодарили — просили им высылать все наши научн[ые] описания, на след[ующий] день опять появились, совсем уже без прежней наглости — и заявили мне, что так к[ак] вопрос о переливке золот[ых] вещей уже решен, то если б он коснулся бы золот[ых] предмет[ов] музея³⁹, то они просят немедленно им сообщить, и они их не тронут. Боже мой, Б. А., слышать такие вещи, кажется, что во сне [Письма 1912–1919. Л. 26 об.].

Новая власть стремилась укрепиться любой ценой; хорошо, что платить не пришлось египетскими древностями.

В это сложное время в здании музея продолжают занятия со студентами Московского университета и слушательницами Высших женских курсов, реорганизованных в 1918 г. во 2-й Московский государственный университет (МГУ стал именоваться 1-м [Андреев, Цыганков 2010: 609]). Еще с осени 1912 г. Тураев читал лекции, вел семинары по истории Древнего Востока и занятия древнеегипетским письмом в залах музея; их посещала и Бороздина. Неизвестно, как проходили эти занятия после октября 1917 г.: бывал Тураев в Москве в рассматриваемое время редко, приезжать регулярно было уже невозможно. Выше цитировалось письмо Бороздиной от февраля 1919 г., в котором она сообщала, что «выцарапала деньги с Курсов». В списке профессоров и преподавателей историко-филологического факультета 2-го Московского государственного университета у нештатного профессора Б. А. Тураева значится, как и в предыдущие годы, 4 часа в месяц занятий по семинарам и лекциям в 1918/1919 г., а в списке за 1919/1920 г. указано, что Тураев занятий вести не будет [Жалования преподавателей 1900–1918: Л. 263, 297, 320, 353, 384; Из бухгалтерии 1919. Л. 1 об., 4, 5 об.]. Последняя выплата жалования датируется июнем 1919 г. [Из бухгалтерии 1919. Л. 34 об.].

Еще до революции 1917 г. у самой Бороздиной появились ученики-египтологи, которые занимались в музее. В мае 1917 г. она пишет Тураеву:

Мои ученики немножко занимаются, Павел Павлинов представил мне разбор одной надписи из Beni Hasane'a [Письма 1912–1919. Л. 24 об.].

Эти занятия продолжились и в последующие годы:

Мои ученики собрались, занимаются [Там же. Л. 61 (письмо от 14.06.1918)].

³⁸ Имеется в виду Всероссийский продовольственный съезд в Москве 21–26 мая 1917 г.

³⁹ В коллекции В. С. Голенищева находились эллинистические золотые предметы, но в декабре 1923 г. они были украдены из Египетского зала музея [Гельман и др. 2003: 363–366].

Вы подготовили меня на Голенищ[евскую] кол[лекцию], теперь же я Вам подготавливаю ряд молодых людей, будущих специалистов египтологов [Там же. Л. 48 об. (письмо от 15.10.1918)].

Как долго продолжались занятия Бороздиной, неясно (никто из ее учеников профессиональным египтологом не стал).

Несмотря на тяготы постреволюционных лет, в Отделе Древнего Востока продолжают научные исследования⁴⁰. В декабре 1919 г. Бороздина пишет:

Немного занимаюсь коптским искусством, очень мало нахожу пособий <...> Мне бы хотелось описать наши коптские ткани, если Вы найдете возможным, то быть может поможете мне с пособ[иями]: или по этому вопросу и вообще по коптскому искусству [Там же. Л. 73–73 об.].

Результаты этих исследований были опубликованы: [Бороздина 1926; Козьмина 1925].

Из писем Бороздиной известно, что в неотопливаемом музее осенью 1918 г. создается новое Общество истории древности⁴¹. Но каких-либо документов, упоминающих его, в Отделе рукописей ГМИИ обнаружить не удалось. В письме от 18.11.1918 г. Бороздина сообщает:

Заседание нашего общества Ис[тории] Др[евности] состоялось 16го ноября. Читал Сидоров⁴², как всегда много воды, но были интересн[ые] рисунки. Народа было человек 18 [Письма 1912–1919. Л. 51–51 об.].

Одной из задач общества была издательская деятельность, ситуация с которой в послереволюционное время была особенно тяжелой. В письмах Бороздина неоднократно жалуется: «вообще научно-издательское дело очень колеблется — теперь все в руках Ц. К.» [Там же. Л. 45 об. (письмо от 28.09.1918)]; «в издательском деле здесь сейчас мерзость и запустение — ничего не печатают, бумаги совсем нет» [Там же. Л. 59 об. (письмо от декабря 1918 г.)]; «печатное дело в Москве совсем замерло, как видимо в Петр[ограде] это обстоит лучше» [Там же. Л. 65 об. (письмо от 18.01.1919)]. Конечно, в

---

⁴⁰ В отчете музея за 1920 г. об условиях, в которых приходилось работать сотрудникам, говорится: «В 1920 году работа в [Античном] отделе шла более вялым темпом, особенно в зимние месяцы, когда температура неотопливаемого здания почти все время ниже нуля, вызывала замерзания чернил и не давала возможности усидчивой работы» [Отчет 1920. Л. 2].

⁴¹ Точная дата организации общества неизвестна, но в письмах оно упоминается впервые в ноябре 1918 г. как «наше новое общество». Сложно понять из-за недостатка документов, как это общество соотносилось с организуемым деятельным В. М. Викентьевым Кружком по изучению древних культур, переименованным в 1918 г. в Общество; членами этих недолговечных сообществ были примерно одни и те же люди. См.: [Томашевич 2003b: 147–149].

⁴² А. А. Сидоров (1891–1978), заведующий библиотекой, младший хранитель музея (Христианский отдел) в конце 1918 г.; впоследствии известный советский искусствовед, член-корреспондент АН СССР.

1917–1919 гг. удалось что-то издать⁴³, но это была лишь малая часть от уже готового материала.

О серьезности издательских планов Общества истории древности свидетельствует тот факт, что «музейские» сотрудники говорили о них с заместителем Наркома просвещения М. Н. Покровским. В ноябре 1918 г. Бороздина пишет:

Мне пришлось испытать удовольствие быть в нашей музейской делегации на приеме у ком[иссара] [sic!] М. Н. Покровского по поводу наших новых ставок и затем я ходатайствовала о субсидии на наше новое общество, я решила действовать энергично и постараться как-нибудь с них получить деньги — ведь тогда бы мы сами могли, что хотели и сколько хотели издавать. <...> будем писать докладную записку, а кроме того надо собрать материал котор[ый] имеется в готовом виде, что легко можно было бы представить Ваше и не отдать ли готовые наши описания египетск[их] подлинников? [Там же. Л. 51 об.–52 об.].

Засед[ание] Ред[акционно]-Изд[ательской] Комис[сии] было — в нее входят три члена президиума (председ[атель], секрет[арь] и казначей) и еще три выбранных члена (Сидоров, Шервинский⁴⁴ и Недович⁴⁵). Докладную записку поручили мне написать, а инструкции Сидорову — завтра или во вторник я и Сидоров отправим[ся] с этой докладной запиской и списком готов[ых] и приготавлием[ых] трудов в Нар[одный] Комиссариат по Просвещ[ению] [sic!], что-то будет! В списке работ я поставила Ваши Саркофаги, Ушебти, Памятники письменности и читан[ный] в нашем обществе доклад. Кроме серии научной мы еще поставили популярно-научн[ые] монографии [Там же. Л. 55 об. (письмо от 7.12.1918)]⁴⁶.

Но этим планам не суждено было сбыться. В мае 1919 г. Тураев пишет декану А. А. Грушке:

Остальной материал лежит пока, ожидая более благоприятного времени для своего появления; работы Т. Н. [Бороздиной] находятся в Музее и во всякое время могут быть предоставлены; составленные мною описания стел, саркофагов, канонов, ушебти и др. находятся в Петрограде в надежде на возрождение действующей теперь типографии Академии Наук, где только и имеется иероглифический

---

⁴³ В письмах Т. Н. Бороздина упоминает «Описание статуй» Б. А. Тураева [1917] и свой «Древнеегипетский танец» [Бороздина 1919]. Также она говорит о сданной в набор рукописи Тураева, но о чем именно идет речь, неясно.

⁴⁴ См. примеч. 25.

⁴⁵ Д. С. Недович (1889–1947), младший хранитель музея (Античный отдел) в конце 1918 г., впоследствии заведующий Античным отделом; филолог, антиковед, искусствовед, профессор Московского университета.

⁴⁶ В отчете музея за 1918–1919 гг. упоминается о завершении и приготовлении к печати описания саркофагов, ушебти, стел, рельефов, амулетов, папирусов и других египетских памятников. Составителями описаний названы Б. А. Тураев, В. К. Мальмберг и Т. Н. Бороздина [Отчет 1918–1919. Л. 1].

шрифт. Часть папирусов недавно сдана мною в фотографию для воспроизведения в б. фирме Голике и Вильборг на сумму, отпущенную Академией Наук в размере 10 т. р. [Скударь 2017: 82].

В отчете Восточного отдела Музея изящных искусств за 1920 г., составленном уже после смерти Б. А. Тураева, также упоминаются подготовленные им к печати работы, посвященные «научному описанию подлинников египетского собрания, как то “Саркофаги”, “Ушебти и ящики для хранения их”, “Меры весов”, “Канопы” и некоторые папирусы» [Гельман и др. 2003: 339]. К сожалению, о судьбе этих рукописей ничего не известно⁴⁷.

Очень многое из задуманного Б. А. Тураевым и Т. Н. Бороздиной-Козьминой, сотрудниками Отдела Древнего Востока, не удалось реализовать в тяжелые постреволюционные годы, но они сделали главное: сохранили бесценную древнеегипетскую коллекцию музея, продолжили ее научное изучение и обеспечили несмотря ни на что ее доступность публике.

Источники

- Дело 1917–1918 — Дело личного состава. Заявления о приеме на работу. 15 декабря 1917 г. — 25 декабря 1918 г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 311).
- Жалования преподавателей 1900–1918 — Жалования преподавателей [Московских Высших женских курсов. 1900–1918] (ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 1. Д. 74).
- Журнал заседания 1917 — Журнал заседания служащих Музея с обсуждением вопроса об отношении к СРД (Совету рабочих депутатов) и о сохранности подлинников в неотапливаемом здании Музея. 5 декабря 1917 г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 288).
- Из бухгалтерии 1919 — Из бухгалтерии II-ого МГУ (бывш. МВЖК). 1919 г. (ЦГА Москвы. Ф. Р-479. Оп. 2. Д. 9).
- Книга протоколов 1911–1923 — Книга протоколов заседаний хозяйственного комитета МИИ. 20 декабря 1911 г. — 30 августа 1923 г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 3а).
- Книга протоколов 1912–1924 — Книга протоколов Ученого Совета Музея изящных искусств. 4 января 1912 г. — 6 июля 1924 г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 2).
- О мерах сохранения 1917 — О мерах сохранения подлинников египетского искусства в связи с низкой влажностью в зале (протокол заседания факультетской комиссии). 15 декабря 1917 г. — 23 декабря 1917 г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 271).
- О повреждениях 1917 — О повреждениях здания музея, полученных во время Октябрьских боев 26 октября — 3 ноября 1917 г. 4 ноября 1917 г. — 29 ноября 1917 г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 241).
- О работе 1919 — О работе Музея для посетителей в зимнее время. 10 декабря 1919 г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 347).

---

⁴⁷ В Отделе рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина хранится отзыв И. Г. Франк-Каменецкого от 29.05.1922 на посмертную рукопись Б. А. Тураева «Описание саркофагов египетского отдела Музея изящных искусств» [Франк-Каменецкий 1922. Л. 1–1 об.], планируемую к публикации. Франк-Каменецкий оценил ее объем (около двух листов; с немецким переводом — около четырех листов формата крупной 8° (имеется в виду книжный формат «ин-октаво»). — *Е. А., О. Т.*); 8–12 фотографических таблиц, 3–5 цветных таблиц) и предложил способ печатания иероглифических надписей — типографский, возможный только в бывшей типографии Академии наук, или менее затратный литографический способ. После смерти Б. А. Тураева были опубликованы только «Египетские рельефы с изображением погребальных процессий Музея изящных искусств» [Тураев 1921].

- Отчет 1914 — Отчет Музея изящных искусств при Московском Университете за 1914 год (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 126).
- Отчет 1917 — Отчет о деятельности Музея изящных искусств за 1917 год (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 235).
- Отчет 1918–1919 — Отчет о деятельности Музея изящных искусств за 1918–1919 гг. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 295).
- Отчет 1920 — Отчет Музея изящных искусств при Московском университете за 1920 год (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 355).
- Отчет 1923–1924 — Отчет Гос. Музея изящных искусств за период с 16-го ноября 1923 по 1 октября 1924 г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 430).
- Отчеты, расписки 1911–1949 — Отчеты, расписки, служебные письма Б. А. Тураева. 8 декабря 1911 г. — 1 ноября 1949 г. (ОР ГМИИ. Кол. 38. Ед. хр. 5).
- Переписка 1922 — Переписка о передаче Голенищевской коллекции институту Классического Востока. 14 ноября 1922 г. — 25 ноября 1922 г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 397).
- Письма 1912–1919 — Письма Т. Н. Козьминой-Бороздиной к Б. А. Тураеву. 1912–1919 (АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 197).
- Протокол заседаний 1918 — Протокол заседаний профессионального союза старших служащих Музея изящных искусств при Московском университете. 6 июля 1918 г. — 17 октября [1918] г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 297).
- Франк-Каменецкий 1922 — *Франк-Каменецкий И. Г.* Отзыв о посмертной рукописи Б.А. Тураева «Описание саркофагов египетского отдела Музея изящных искусств». 29 мая 1922 г. (ОР ГМИИ. Кол. 38. Ед. хр. 17).

Сокращения

- АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа. Отдел рукописей и документального фонда.
- ОР ГМИИ — Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
- ЦГА Москвы — Центральный государственный архив города Москвы

Литература

- Александрова 2017 — *Александрова Н. В.* От учебного музея слепков к художественному музею подлинников. ГМИИ им. А. С. Пушкина в 1917–1924 годах // Музей и революция 1917 года в России: судьба людей, коллекций, зданий (из цикла «Музей и война»): Сб. докладов всерос. конф., 15–17 ноября 2017 г. / Сост. И. Г. Ефимова. Екатеринбург: [б. и.], 2017. С. 7–10.
- Андреев, Цыганков 2010 — Императорский Московский университет, 1755–1917: Энцикл. словарь / Авт. проекта, сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010.
- Анохина и др. 2020 — *Анохина Е. А., Малых С. Е., Медникова М. Б., Орфинская О. В.* Глиняный гробик с мумией из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина: Опыт комплексного исследования / Науч. ред. О. В. Томашевич. М.; СПб.: Изд-во Рус. Христианской Гуманитар. Академии, 2020.
- Анохина, Томашевич 2021 — *Анохина Е. А., Томашевич О. В.* «Вы подготовили меня на Голенищевскую коллекцию»: Т. Н. Бороздина — ученица проф. Б. А. Тураева // Диалог со временем. 2021. (В печати).
- Бонгард-Левин 1997 — Скифский роман / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997.
- Бонгард-Левин, Литвиненко 2003 — Парфянский выстрел / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина, Ю. Н. Литвиненко. М.: РОССПЭН, 2003.

- Бороздина 1919 — *Бороздина Т. Н.* Древнеегипетский танец. М.: Д. Я. Маковский и сын, 1919.
- Бороздина 1926 — *Бороздина Т. Н.* Коптские памятники // Жизнь музея: Бюллетень Государственного Музея Изящных Искусств. 1926. № 2. С. 11–13.
- Васильева 2020 — *Васильева О. А.* Египет. Греко-римский период: Больше, чем путеводитель. М.: Тип. «НП-Принт», 2020.
- Гельман и др. 2003 — Памятники и люди / Сост. В. Я. Гельман и др. М.: Вост. лит., 2003.
- Демская и др. 1987 — Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912) / Сост. А. А. Демская и др. М.: Сов. художник, 1987.
- Козьмина 1925 — *Козьмина Т. Н.* Коптский зал в Государственном музее изящных искусств // Новый Восток. Кн. 10–11. 1925. С. 370–379.
- Петрова 2001 — Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925: Личность, научное наследие, архив: Сб. ст. к 150-летию со дня рождения / Науч. рук. Е. Н. Петрова. СПб.: Palace Editions, 2001.
- Скударь 2017 — *Скударь Е.* Профессор Московского университета А. А. Грушка. Страницы жизни. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ф-т журн. МГУ, 2017.
- Твардовская 2003 — *Твардовская В. А.* Б. П. Козьмин. Историк и современность. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003.
- Томашевич 2003а — *Томашевич О. В.* Т. Н. Бороздина-Козьмина — ученица и наследница дела Б. А. Тураева в Музее изящных искусств // Памятники и люди / Сост. В. Я. Гельман и др. М.: Вост. лит., 2003. С. 122–140.
- Томашевич 2003б — *Томашевич О. В.* Египтолог Владимир Викентьев — создатель музея нового типа // Памятники и люди / Сост. В. Я. Гельман и др. М.: Вост. лит., 2003. С. 141–172.
- Томашевич 2007 — *Томашевич О. В.* И было его жития 51 год...: Биографический очерк // Тураев Б. А. Древний Египет / Сост. и авт. коммент. О. В. Томашевич. М.: Высш. школа, 2007. С. 414–487.
- Тураев 1917 — Описание египетского собрания. [Ч.] 1: Статуи и статуэтки Голенищевского собрания / Сост. Б. А. Тураев. Пг.: Тип. Академии наук, 1917.
- Тураев 1921 — *Тураев Б. А.* Египетские рельефы с изображением погребальных процессов Музея изящных искусств // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Т. 1. № 9. 1921. С. 61–71.

References

- Aleksandrova, N. V. (1917). Ot uchebnogo muzeia slepkov k khudozhestvennomu muzeiu podlinnikov. GMI im. A. S. Pushkina v 1917–1924 godakh [From an educational museum of plaster copies to a fine arts museum of originals. The State Pushkin Museum of Fine Arts in 1917–1924]. In I. G. Efimova (Ed.). *Muzei i revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sud'ba liudei, kollektii, zdanii (iz tsikla "Muzei i voina")*: Sbornik dokladov vserossiiskoi konferentsii, 15–17 noiabria 2017 g. (pp. 7–10) (n. p.). (In Russian).
- Andreev, A. Iu., & Tsygankov, D. A. (2010). *Imperatorskii Moskovskii universitet, 1755–1917: Entsiklopedicheskii slovar'* [The Imperial Moscow University, 1755–1917: Encyclopaedic dictionary]. ROSSPEN. (In Russian).
- Anokhina, E. A., Malykh, S. E., Mednikova, M. B., & Orfinskaia, O. V. (2020). *Glinianyi grobik s mumiei iz sobraniia GMI im. A. S. Pushkina: Opyt kompleksnogo issledovaniia* [Clay coffin with a mummy from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts: An attempt at a comprehensive investigation] (O. V. Tomashevich, Ed.). Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. (In Russian).

- Anokhina, E. A., & Tomashevich, O. V. (2021). “Vy podgotovili menia na Golenishchevskuiu kolleksiuiu”: T. N. Borozdina — uchenitsa prof. B. A. Turaeva [“You have prepared me for the Golenishchev collection”]: T. N. Borozdina — student of professor B. A. Turaev]. *Dialog so vremenem*. (Forthcoming). (In Russian).
- Bongard-Levin, G. M. (Ed.) (1997). *Skifskii roman* [Scythian novel]. ROSSPEN. (In Russian).
- Bongard-Levin, G. M., & Litvinenko, Iu. N. (Eds.) (2003). *Parfianskii vystrel* [The Parthian shot]. ROSSPEN. (In Russian).
- Borozdina, T. N. (1919). *Drevneegipetskii tanets* [Ancient Egyptian dance]. D. Ia. Makovskii i syn. (In Russian).
- Borozdina, T. N. (1926). Koptskie pamiatniki [Coptic monuments]. *Zhizn' muzeia: Biulleten' Gosudarstvennogo Muzeia Iziashchnykh Iskusstv, 1926(2)*, 11–13. (In Russian).
- Demskaia, A. A., et al. (Eds.) (1987). *Vydaiushchiisia russkii vostokoved V. S. Golenishchev i istoriia priobretenia ego kolleksii v Muzei iziashchnykh iskusstv (1909–1912)* [The outstanding Russian orientalist V. S. Golenishchev and the history of the purchase of his collection by the Museum of Fine Arts (1909–1912)]. *Sovetskii khudozhnik*. (In Russian).
- Gel'man, V. Ia., et al. (Eds.) (2003). *Pamiatniki i liudi* [Monuments and people]. Vostochnaia literatura. (In Russian).
- Koz'mina, T. N. (1925). Koptskii zal v Gosudarstvennom muzee iziashchnykh iskusstv [The Coptic Room in the State Museum of Fine Arts]. *Novyi Vostok, 10–11*, 370–379. (In Russian).
- Petrova, E. N. (Ed.) (2001). *Nikodim Pavlovich Kondakov. 1844–1925. Lichnost', nauchnoe nasledie, arkhiv: Sbornik statei k 150-letiiu so dnia rozhdeniia* [Nikodim Pavlovich Kondakov, 1844–1925. Personality, academic heritage and archives. Collection of articles on the 150th anniversary]. Palace Editions. (In Russian).
- Skudar', E. (2017). *Professor Moskovskogo universiteta A. A. Grushka. Stranitsy zhizni* [Professor of Moscow University A. A. Grushka. Pages of life]. Fakul'tet zhurnalistiki MGU. (In Russian).
- Tomashevich, O. V. (2003a). T. N. Borozdina-Koz'mina — uchenitsa i naslednitsa dela B. A. Turaeva v Muzee iziashchnykh iskusstv [T. N. Borozdina-Koz'mina — student and successor of B. A. Turaev in the Museum of Fine Arts]. In V. Ia. Gel'man, et al. (Eds.). *Pamiatniki i liudi* (pp. 122–140). Vostochnaia literatura. (In Russian).
- Tomashevich, O. V. (2003b). Egiptolog Vladimir Vikent'ev — sozdatel' muzeia novogo tipa [Vladimir Vikent'ev — founder of a museum of a new type]. In V. Ia. Gel'man, et al. (Eds.). *Pamiatniki i liudi* (pp. 141–172). Vostochnaia literatura. (In Russian).
- Tomashevich, O. V. (2007). I bylo ego zhitii 51 god...: Biograficheskii ocherk [And there were 51 years of his life...: Biographic essay]. In Turaev, B. A. *Drevnii Egipt* (O. V. Tomashevich, Ed., pp. 414–487). Vysshaia shkola. (In Russian).
- Turaev, B. A. (1917). *Opisanie egipetskogo sobraniia* [Description of the Egyptian collection], (Vol. 1) *Statui i statuetki Golenishchevskogo sobraniia* [Statues and figurines of the Golenishchev collection]. Tipografiia Akademii nauk. (In Russian).
- Turaev, B. A. (1921). Egiptskie rel'efy s izobrazheniem pogrebal'nykh protsessii Muzeia iziashchnykh iskusstv [Egyptian reliefs depicting funeral processions at the Museum of Fine Arts]. *Izvestiia Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury, 1(9)*, 61–71. (In Russian).
- Tvardovskaia, V. A. (2003). *B. P. Koz'min. Istorik i sovremennost'* [B. P. Koz'min. The historian and contemporaneity]. Institut rossiiskoi istorii RAN. (In Russian).
- Vasil'eva, O. A. (2020). *Egipt. Greko-rimskii period: Bol'she chem putevoditel'* [Egypt. Greco-Roman period: More than a guide]. Tipografiia “NP-Print”. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Евгения Александровна Анохина

*кандидат исторических наук
участник научного коллектива по проекту
РНФ 19-18-00369 «Классический Восток:
культура, мировоззрение, традиция
изучения в России (на материале
памятников коллекции ГМИИ имени
А. С. Пушкина и архивных источников)»
в МГУ имени М. В. Ломоносова
научный сотрудник, Отдел Древнего
Востока, Государственный музей
изобразительных искусств им.
А. С. Пушкина
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 12
Тел.: +7 (495) 697-74-93
✉ evgeniia.anokhina@arts-museum.ru*

Ольга Владимировна Томашевич

*кандидат исторических наук
участник научного коллектива по проекту
РНФ 19-18-00369 «Классический Восток:
культура, мировоззрение, традиция
изучения в России (на материале
памятников коллекции ГМИИ имени
А. С. Пушкина и архивных источников)»
в МГУ имени М. В. Ломоносова
доцент, исторический факультет,
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119899, Москва, Ломоносовский
пр-т, д. 27, корп. 4
Тел.: +7 (495) 939-36-50
✉ olgatomas@mail.ru*

Information about the authors

Evgeniia A. Anokhina

*Cand. Sci. (History)
Member of the research team of the RSF project
19-18-00369 "The Classical East: culture,
world-view, tradition of studying in Russia
(based on the material of the Pushkin State
Museum of Fine Arts collection and archival
sources)" of the Lomonosov Moscow State
University
Research Associate, Department of the Ancient
Orient, The Pushkin State Museum of Fine Arts
Russia, 119019, Moscow, Volkhonka Str. 12
Tel.: +7 (495) 697-74-93
✉ evgeniia.anokhina@arts-museum.ru*

Olga V. Tomashevich

*Cand. Sci. (History)
Member of the research team of the RSF project
19-18-00369 "The Classical East: culture,
world-view, tradition of studying in Russia
(based on the material of the Pushkin State
Museum of Fine Arts collection and archival
sources)" of the Lomonosov Moscow State
University
Associate Professor, Faculty of History,
Lomonosov Moscow State University
Russia, 119899, Moscow, Lomonosovskiy
Prospekt, 27, Corp. 4
Tel.: +7 (495) 939-36-50
✉ olgatomas@mail.ru*